

ГЛАВА 54

В субботу я проснулся поздно и в полдень столкнулся с отцом в коридоре. Тот был в классическом костюме серого цвета, белой рубашке и при вишневом галстуке. Галстук!? Последний раз я видел отца в галстуке, когда тот служил еще в армии. Вся одежда на отце была новой, такой у нас в доме не водилось. Даже туфли у двери стояли новые. В спешке покопавшись в шкафу, отец что-то взял, пошел в свою комнату, там взял пакет, в котором звякнула посуда с приборами, и виднелась бутылка шампанского, обулся, накинул куртку и вышел из квартиры. Недоумевая, я пошел на балкон, открыл оконную створку и глянул вниз. Отец торопливо прошел по дорожке под балконом и скрылся за углом дома. По всем признакам вывод напрашивался один – он шел к женщине. А в воскресенье я увидел и ее. Отец так же вышел из дома все в том же костюме и с тем же пакетом, я снова глянул вниз – брюнетка около сорока стояла на дорожке у самого угла дома. Отец поравнялся с ней, и уже вместе пара скрылась за углом. «В санатории познакомились, не иначе», - подумал я и вернулся с зябкого балкона в теплую квартиру.

- А че, Серого нет что ли!? – удивился я, едва утром понедельника явился в новый офис и поздоровался со всеми – Верой, Валей и Борисом.

- Ром, да, Сережи не будет, он заболел... – кивнула Вера и, словно в подтверждении ее слов, мой телефон зазвонил.

- Ромыч, привет... – низким простуженным голосом произнес Сергей. – Я приболел тут немножко, температура у меня, насморк... ты там один справишься?

Для пущей убедительности он впел в интонацию нотки жалости и бессилия, будто не банально простыл, а заболел смертельно. От елейности тона Сергея меня передернуло. Все иногда подхватывают простуду, но ведут себя по-разному. Одни или переносят ее на ногах, что в принципе, плохо, или отлеживаются в самые тяжелые дни, но едва забрезжит улучшение, бегут на работу. Другие же болеют с удовольствием, ставя в известность всех и изображая из себя «умирающего лебедя». Я как раз выслушивал одного из «лебедей».

- Серый, да справлюсь, куда деваться! – сказал я. – Ты там давай, выздоравливай!

- Аха, Ромыч, ну спасибо тебе большое... – продолжал тот чувственно недомогать.

– А то у меня тут все сразу и сопли, и температура и горло... еле хожу...

- Серый, ну выздоравливай! Все тут будет нормально, не волнуйся!

- Ну спасибо, Ромыч... пока... – выдавил из себя напарник, и мы простились.

- Так... – выдохнул я, собираясь с мыслями. – Вер, че там у нас по заказам?

Рабочий день начался. Вдвоем за полчаса мы обработали все заказы – я созвонился с клиентами, собрал заказы на последующие дни, а Вера подготовила накладные и отчеты за предыдущий месяц. Через полчаса к офису подъехал отец. Отпустив Веру и забрав все бумаги, я преодолел два пролета лестницы вниз и с радостью прыгнул в родную «газель».

- А Сергей где? – произнес отец.

- Серый заболел, простыл... – сказал я, и мы покатали на склад.

- И долго он болеть планирует? – уточнил отец, словно читая мои мысли.

- Не знаю, - пожал плечами я. – Но лучше его простимулировать, чтоб поскорей на работу вышел, а то вдруг ему понравится болеть...

Я допускал мысль, что Сергей может выздороветь через пару дней и отдохнуть

сверх этого еще столько же просто так. Мне не нравилась перспектива таскать коробки за двоих, покуда тот лежит дома в тепле и пялится в телевизор. Сергею я уже не верил.

- Ну да, - потянулся отец за сигаретой, приоткрыл окно и закурил, - мысль верная... Сережа – тот еще фрукт... Скажи ему, что пока он болеет, его зарплата тебе будет идти!

- Да не, вся зарплата – это жирно, конечно... – отклонил я жесткое предложение отца. – В конце концов, Вера как бы его замещает, только вот на складе я один... Я думаю, можно будет сказать, что пока он болеет, я буду получать за грузчика. И сумма не такая большая... И Серый быстрее на работу выйдет... он на деньги прижимистый, не захочет, чтоб мне в карман шло больше, чем ему...

Мы загрузили в «газель» полторы тонны и покатали по клиентам. Все вернулось на круги своя – я, отец и «газель». За два с лишним года я отвык от такой работы. Поначалу даже чувствовал себя неловко. Отвыкли и наши клиенты. Работники всех фирм, где я стал появляться с отцом на «газели», удивлялись одними и теми же вопросами. Отшучиваясь, я говорил, что теперь товар будем возить по-разному. Так я проработал всю неделю.

- Вер, смотри... – сказал я посреди недели. – Скажешь Серому, что пока он болеет, я буду за грузчика начислять себе деньги, поскольку таскаю на складе коробки за двоих... Там сумма небольшая, но все-таки... чтоб как-то справедливо было, хорошо?

- Ну ты позвони ему сам и скажи! – отмежеввалась тут же Вера.

Мне не хотелось говорить с Сергеем на эту тему, и внутри боролась две ипостаси – одна считала мое решение непорядочным и не партнерским, другая, умудренная опытом общения с Сергеем, точно знала, что решение верное.

- Вер, давай так... Ты ему озвучь дома, если у Серого будут вопросы, пусть звонит, хорошо? – припер я Веру к стенке.

- Хорошо, - сдалась та и, все поняв, лукаво ухмыльнулась.

Сергей позвонил на следующее утро. Не сказать, что в его голосе звучал апломб, но мое предложение одобрилось без желания. И тут же Сергей пошел на поправку и 12 числа в понедельник вышел на работу.

- Роман, а че мы Анатолию Васильевичу платим за развоз по часам, а Пете просто платим тысячу за день? – сразу поднял вопрос он. – Просто услуги Анатолия Васильевича нам дороже обходятся...

- Серый, ну поговори с ним, может он и согласится на тысячу... Но я сомневаюсь... С какой стати он это будет делать? Это стандартная почасовая оплата – двести рублей в час. Все так возят. Это с Петей нам повезло, он понимает, что у него машина старая, тент, часто ломается. А у бати и «газель» посвежее и будка высокая.

- Роман, ну может, ты сам с ним поговоришь? – крутился Сергей.

- Да поговорю, - пожал я плечами. – Без проблем.

- Нет, за тысячу не буду, - тем же вечером отрезал отец. – Есть стандартная оплата, будьте добры ее платить. Не хотите – ищите другого извозчика. И коробки ваши я тоже таскать не собираюсь... Вы определитесь там с Сережей, кто из вас будет ездить со мной, вы вдвоем или по очереди, мне все равно...

Я передал слова отца Сергею.

- Ну, будем ездить с ним, сдавать товар сами... – вздохнул картинно тот. – Раз Анатолий Васильевич выставляет такие условия... У нас же нет выхода...

- Серый, отец не выставляет никаких условий... – удивился я, как ловко тот сместил акцент. – Просто он возит по той же ставке, что и все в городе... С какой стати он должен

возить нам дешевле? Потому, что он одного из нас родственник? Но он же не просит платить ему больше, потому что он родственник!? Я считаю, что все справедливо. Да и вызываем мы его не часто, когда уж Петя не может. Мы же можем и отказаться, найти другого водителя по объявлению за те же деньги... Просто, давай выберем и все...

- Да я понял, понял... – состроил грустное и обреченное лицо Сергей, вздохнул. – Да не, будем ездить с Анатолием Васильевичем теперь, раз уж начали... Вер, посчитай деньги. Сколько мы там Ромке должны за работу грузчика, пока я болел?

Та пробежалась пальцами по калькулятору и озвучила цифру. Сергей вынул из портфеля пачку денег, «общак», отсчитал сумму и положил деньги передо мною на стол. Я убрал их в карман джинсов.

Близость зимы уже чувствовалось по утренним заморозкам. Я сменил джинсовую куртку и бейсболку на черную короткую зимнюю куртку с меховым воротником и черную вязаную шапку. Осенние ботинки я заменил на черные, а-ля военные, «берцы», заправил в них голубые джинсы и в таком виде стал ездить на работу. Удобно, особенно при работах на пыльном складе, где вещи изнашивались в один сезон.

- Ох, Роман, - схватился Сергей за голову, завидев меня такого, и прыснул смехом.

- Че – Роман!? – подыграл я, разглядывая себя в большое прямоугольное зеркало. Я глянул на свое отражение еще раз и уловил разницу между собой нынешним и тем, каким был пару лет назад – курящий, выпивающий и таскающийся ночами напролет по клубам. Я изменился. Мозг тут же напомнил мне отношение Сергея ко мне прежнему – он потакал моему образу жизни. Новый же я был ему неудобен – я припомнил все реакции Сергея на мою трансформацию: задумчивость, молчаливый анализ, конкурентные попытки угнаться за мной или хотя бы сделать вид, что и он не отстает, поддевки моих устремлений, провал всех своих потуг и по итогу – редкие смешки и молчаливое недовольство. Еще одна ложка дегтя упала в уже давно горький мед. Я ясно осознал, что иду в правильном направлении. «Я пытаюсь развиваться, а ему это не нравится», - отпечаталось в моем мозгу. Неприятное открытие лишь ускорило созревание бродивших в голове мыслей. Негативная тенденция в бизнесе, расхождение в видении будущего фирмы, переезд в новый офис как отступление – все эти события послужили катализаторами принятия мною окончательного решения. Я потерял уважение к Сергею. Пребывание с ним в одной среде стало меня тяготить. То, что казалось два года назад чудесным везением, теперь тяготило меня, тормозило в развитии, упало на руки и ноги тяжелыми гирями, которые хотелось сбросить. Я прислушивался к внутреннему себе – там пульсировал все тот же маячок, давая понять, что надо двигаться дальше, и что потенциал общего с Сергеем для меня исчерпан, что я, как ракета, должен отстрелить отработавшую ступень и включить следующую. Я понимал отчетливо, Сергей – человек с примитивным пониманием жизни, его ориентиры и принципы не совпадали с моими. Мы были слишком разными и совершенно чужими друг другу людьми. И за время совместной деятельности жизнь не срастила нас. Словно моллюск, сначала раскрывшийся навстречу новой энергии, со временем я уловил ее чужеродность и закрыл створки своего панциря. И внутри створок тот самый маячок продолжал подавать сигналы – иди дальше, не останавливайся, всё, здесь тебе делать нечего, тебе надо дальше, ты можешь больше, верь в себя, все получится, просто иди, тебе пора, не засиживайся тут, вставай и иди!

В один из последних дней ноября я и Сергей, загрузив полную «газель» и отправив Петю по маршруту, возвращались со склада в офис. Я продрог за время работы и теперь,

нахохлившись, сидел в «мазде», пытаюсь согреться и разобраться в мыслях. Мы проехали Т-образный перекресток, свернули налево к кольцу.

- Серый, я решил ехать в Москву и поступать на курсы кино... – произнес я все из той же задумчивости, продолжая смотреть вперед на дорогу.

- Да??? – бросил тот на меня недоуменный взгляд. – А когда решил... в смысле, когда собрался поступать???

- Через полтора года, - сказал я. – Весной две тысячи девятого подача документов...

- Блин, Роман, из-за тебя на кольцо заехал! – раздраженно произнес Сергей.

Мы вкатили на кольцо и, должны были по касательной проехать его прямо к офису.

- Ну ниче страшного, прокатимся по кругу разок... – сказал я.

- А как же наша фирма?? Тут же у тебя половина!

- Я уже думал над этим, Серый... Просто передам свою половину отцу, и трудитесь вдвоем дальше на здоровье! А я поеду...

Сергей притормозил, впуская на кольцо машины с примыкавшей главной дороги.

- А че ты щас то мне сказал?? – произнес он. – Еще ж времени много!

- А я специально заранее тебе сказал, чтоб мы могли подготовиться без спешки... оформить, какие надо документы, и я уже чтоб, когда время подойдет, поехал в Москву со спокойной душой, зная, что все у вас тут нормально...

Машина пробежала круг по кольцу, подъехала к автомастерской. Сергей молчал.

- Мне хорошо так? – сказала мать и повернулась ко мне. Едва приехав с работы, я переступил порог квартиры, замер у входа и уставился на мать. Она подстриглась, сделала короткую стрижку, похожую на ту, что делала в молодости, ей такая шла. Только разница была в глаза – передо мною стояла резко постаревшая женщина. Появившиеся носогубные складки глубоко прорезали лицо и теперь будто тянули кожу вниз. Уголки губ склонились туда же, сообщая о тяжелых днях и скорби в жизни обладательницы лица. Но глаза матери блестели. Я обрадовался и зацепился взглядом за них, поняв, что мать вышла из ужасного состояния и вернулась к жизни. В ее взгляде поселилась глубина, но вместе с ней и боль. На меня смотрели глаза, в которых собралась вся боль мира. Мать глядела на меня сквозь эту боль, светились и улыбались.

- О, ты подстриглась! – воскликнул я будто буднично, не желая, чтоб мать ощутила мои тяжелые мысли, а заметила лишь позитив и улыбку. – Тебе такая стрижка всегда шла, ма! К парикмахеру ходила!? Классно! Правильно сделала – тебе так очень хорошо!

Мать, засияв еще больше, оглядела себя в зеркало, наклонилась, приблизила лицо к зеркалу и провела руками по морщинам. В ее взгляде побежали тяжелые мысли.

- Ма, а ты только пришла что ли!? – произнес тут же я и начал раздеваться.

- Нет, днем еще ходила подстригаться... – мать отстранилась от зеркала, вздохнула, посмотрела на меня, улыбнулась. Улыбка вышла неестественной, словно лицо принудили улыбнуться, а мышцы его забыли от времени, как это надо делать.

- Ну, молодец! Заодно и прогулялась... там погода отличная! – произнес я, сознавая, что от нескольких лет постоянного сидения в квартире, кожа матери потеряла цвет и стала бледной и рыхлой. – Тебе надо на улицу выходить, ма, воздухом побольше дышать...

Я прошел в ванную, открыл кран и принялся мыть руки.

- Да, надо выходить на улицу, надо гулять, - донесся сквозь шум воды голос матери из коридора. – А ты будешь со мной гулять?

- Ну... буду, а почему бы и нет? – улыбнулся я, проходя мимо матери по коридору на кухню. Я заглянул в холодильник – выбор еды, как всегда, был скуден.

- Может быть, тебе яичницу пожарить, сынок? – сказала мать.

- Да, мам, пожарь... я с удовольствием съем! – кивнул я и пошел в свою комнату.

На кухне засутилась мать.

Помня о дне рождения Сергея, я загодя начал думать о подарке. Хотелось обойтись без банальностей и сделать его интересным. Я знал, что подарок без осязаемой стоимости его вряд ли впечатлит и, помня о любви напарника к золоту, купил в банке слиток золота в пять грамм. Слиток был упакован в прозрачную круглую пластмассовую коробочку и шел в комплекте с официальной бумагой, подтверждающей его достоинство.

3 декабря в офисе я произнес поздравительную речь, пожал Сергею руку и вложил в нее подарок. Напарник, просясь, с любопытством взгляделся в пластмассовый кругляш.

- Эт золото, Серый! Настоящее! Все как положено, куплено в банке! – пояснил я, заметив, как после слово «золото», глаза напарника ожили, и в них разлилось блаженное удовлетворение. «С подарком угадал», - понял я и добавил с напускной серьезностью:

- Смотри, береги это золото! Это теперь твой талисман! Потеряешь или продашь – денег больше не будет!

На удивление, Сергей воспринял сказанное серьезно – благоговейно трясущимися пальцами убрал золото в отдел кошелька и застегнул тот на молнию, произнес с чувством «спасибо, Роман!» и пожал мне руку.

К середине декабря мы совсем освоились на новом месте. Валя и Борис оказались на редкость приятными соседями. Вели бизнес они тихо, заказывали товар по интернету, получали с курьерами. Покупатели не часто, но по несколько человек в день посещали их скромный отдел. Оборот нашей фирмы снизился, и появилось много свободного времени. Я и Сергей решили-таки заняться покупкой под заказ подержанных машин из Японии, о чем вывесили на внешней стороне лицом к дороге забора баннер. Когда мы закончили с ним, на улице уже были сумерки. А к шести вечера короткий зимний день превратился бы в непроглядную ночь.

- После четырех баннер уже не видно будет, - скривился я. – Да и в пасмурный день тоже. Нужно фонари покупать... уличные... О! Слушай, Серый! А Вовка то щас как раз работает в электрической компании! Поехали к нему! Он нам и скидку сделает хорошую...

Мы сели в «мазду» и поехали за фонарями.

- А че, Вован уже ушел из той фирмы, куда собирался тогда? – удивленно произнес Сергей, ведя машину.

- Да, он поработал там пару месяцев и свалил, - кивнул я.

- А че ушел-то?

- Да хер его знает! – пожал я плечами. – Говорил, вроде как там не очень платили... Обещали горы золотые, а вышло вон как... Щас приедем, хочешь, сам у него и спроси...

- Да не! Че спрашивать!? Это я так... у тебя спросил, мож ты знаешь, я ж не знаю!

Вовка оказался на месте и быстро помог нам выбрать уличные фонари.

- Блять, а как вы к забору собрались их крепить!? – озадаченно рявкнул Вовка.

- На болты, скорее всего, - прикинул я вес фонаря в руке. – Ими надежнее будет.

- Это сверлить придется... – зачесал в затылке Вовка. – Пойдемте болты выберем...

Купив все необходимое, мы простились с Вовкой и поехали обратно.

- Так, сверлить... надо дрель завтра тащить в офис... – думал я вслух в машине. – Серый, ну че, ты привезешь завтра дрель? Могу я, у бати где-то на балконе лежит дрель...

- Ромыч, да че ты будешь ее везти в маршрутке!? Я привезу... кину в багажник, да привезу... Нам че-то еще надо будет?

- Ну... ключи, чтоб болты с гайками закрутить... А, и сверло! Ну и плоскогубцы на всякий случай! И отвертки... парочку разных, под крест и под шлиц...

- Блин! – хмыкнул весело Сергей. – Я понял – брать надо все! Возьму тогда просто свой ящик с инструментом, там у меня все есть!

- Да ладно, че ты из-за двух отверток будешь тащить целый ящик! – возразил я.

- Мне не сложно, - отмахнулся Сергей. – Я его в багажник поставлю, и все... Заодно поглядишь на мой ящик с инструментом. У меня там все есть: сверла по размерам, гайки, шурупы, саморезы, гвозди... Я, когда что-то по дому начинаю делать, сразу его достаю, ставлю посреди коридора и начинаю делать!

На следующее утро я поднялся в офис первым из наших. За прилавком уже сидела Валя. Она всегда приезжала на работу самой первой. «Не спится», ответила она мне как-то на вопрос об этом. Минут через десять на лестнице раздались шаги, поднимался Сергей. Я уже безошибочно узнавал его по дыханию. Преодолев натужно два пролета, перед дверью он всегда сопел так, будто пробежал с непривычки километр. Дверь отворилась внутрь и... я увидел ящик – Сергей внес его в офис с видимым усилием, подталкивая вперед бедром. Пластмассовый продолговатый черный ящик с прозрачной крышкой и откидывающейся желтой ручкой сверху посередине. Длиной в полметра и высотой в треть, он походил на переносной контейнер для животных. Я видел разные ящики для инструмента, но такой я увидел впервые именно в руках напарника.

- Блин, Серый! – засмеялся я, взявшись рукой за голову.

- Чего???. Гы-гы! – гоготнул тот, довольный произведенным эффектом, подошел к столу, поставил ящик на пол, выдохнул, пожал мне руку, отер привычным движением пот со лба, произнес «привет, Валь!» и посмотрел на меня улыбающимся взглядом:

- Чего ты ржешь!?

- Да так, - сильнее поплыл в улыбке я. – Приволок из-за двух отверток целый ящик.

- Да я почему знаю, какие нам инструменты понадобятся! Здесь у меня все есть!

- Дрель взял?

- Да, взял! – Сергей склонился к ящику, откинул его крышку. – Вот дрель...

Я с интересом наблюдал за изменением поведения и реакциями напарника – то он от моего удивления засветился счастьем, то лицо его недовольно окаменело, едва Сергей услышал от меня нотки критики. Мне отчего-то хотелось поддеть его снова. Образ Сергея с основательным строительным ящиком отдавал фальшью. Два с половиной года общения не прошли мимо, я все чаще натывался на подобную фальшь, и всякий раз мне хотелось за нее зацепить Сергея. Сдерживаться в этом мне стоило усилий. И я почти не сдерживался, понимая, что это моя реакция на его фальшь.

- А че, Вера не приехала? – разбавил я напряжение.

- Вера позже приедет, - буркнул Сергей.

- А, ну ладно, - кивнул я. – Серый, ну доставай из своего волшебного ящика сверло под наши болты, пойдем сверлить дырки под фонари...

- А какие сверла по размеру нужны? – уставился на меня напарник.

- А вон болты лежат на полке... померяй... – кивнул я в сторону шкафа и занялся чайником. – Чай щас попьем и пойдем сверлить? Чай тебе делать?

- Да, делай... – буркнул Сергей, уже ковыряясь под столом в своем чудо-ящике.

Включив чайник, я обошел стол и глянул на ящик, в глаза бросилось сразу – Сергей лазил в его ячейках неумело, словно впервые их увидев. Я вспомнил педантичность отца – его инструменты всегда лежали в шкафчиках на балконе в строго конкретном месте. Отец знал, что и где у него лежит и находил нужный инструмент мгновенно. Сергей же копался в ящике наобум. «Очередная показуха», - не удивившись, понял я.

- Это – пойдет? – протянул мне сверло Сергей.

- Серый, нам нужно сверло по металлу, а это обычное, - сказал я, повертев сверло в руке и вернув напарнику, чем озадачил его еще больше. Сергей засопел, принялся нервно запускать пальцы в ячейку со сверлами.

- Это – пойдет? – протянул он мне следующее сверло.

- По металлу, Серый... – вернул я и второе сверло. – Это обычное, не годится...

- Да а какое оно – по металлу!??? – встал Сергей и недовольно сверкнул взглядом.

Я наклонился к ящику, поковырялся в сверлах, вытащил одно и протянул ему:

- Это – годится. Видишь, наконечник... закаленный под металл, такой не затупится.

Сергей тут же стушевался, взял сверло в руки, озадаченно повертел его. Наступила неловкая пауза. Тяга Сергея к хвастовству и выпячиванию себя в очередной раз обнажила его некомпетентность, всегда служа плохую службу. Мое уважение к Сергею таяло, будто снег под весенним солнцем. И таяло оно на мелочах, что было особенно противно.

Попив чаю, мы вышли во двор. Предстояло просверлить в заборных планках по два отверстия под каждый фонарь, всего восемь, и сквозь них закрепить фонари болтами.

- Ты будешь сверлить или я? – произнес я, едва все было готово к работе.

- Роман, да без разницы, могу я, можешь ты, - сказал Сергей и добавил. – Давай я!

Он встал на табурет, занес дрель над планкой забора и включил. Сверло стало вяло ворочаться и ползать наконечником по железу. Я смотрел на сверло, оно не углублялось в железо, а лишь ёрзало по поверхности. Что-то шло не так.

- Серый, не сверлит совсем! – озадаченно сказал я.

- Щас! – натужился тот и надавил сверху на дрель сильнее, побагровел.

Никакого эффекта. Корябая поверхность, сверло не углублялось в металл вовсе.

- Серый, не, не сверлит... Херня какая-то... Должно легко сверлить, а это... что-то не так! – развел я руками. – Подожди, останови, не сверли...

- Да щас, погоди! – побагровел сильнее Сергей и стал давить на дрель изо всех сил.

Без толку! Сверло начало опасно ползать по поверхности планки, грозя соскочить.

- Серый, ну погоди! Не сверли! Что-то не то ведь! – не на шутку забеспокоился я, помня, как сам сверлил много раз железо, и как оно должно быть на самом деле.

Напарник устал, дрель затихла и повисла в его руке.

- Что-то не сверлит, - произнес Сергей, поднес дрель к глазам, сощурился при свете пасмурного утра. – Сверло какое-то тупое...

- Да не, Серый, сверло нормальное... Что-то не то...

- Да что – не то!? – всплеснул руками Сергей. – Не сверлит! Тупое сверло, да и все!

Напарник шагнул с табуретки на землю, вдруг фыркнул «блин!» и щелкнул каким-то рычажком на корпусе дрели, нажал «пуск», и дрель завизжала с нормальной скоростью.

- Прикинь, переключатель стоял не в ту сторону, хи-хи! – издал неловкий смешок Сергей и вернулся на табурет.

- Это что, сверло что ли в обратную сторону крутилось!? – уставился я на него.

- Ну да, прикинь, хи-хи! – покраснел Сергей.

- А ну, попробуй так... – произнес я.

Сергей принялся сверлить в том же месте, и сверло легко взяло железо. Остальные отверстия он высверлил следом. После установили фонари, прикрутив их болтами.

- Роман, ну с электричеством ты сам тогда, хорошо? А то я в нем не соображаю... – оглядел работу напарник, поправил на голове шапку, толкнув ее вверх по взмокшему лбу.

- Пошли чай попьем, согреемся и вернемся, - предложил я.

Через полчаса заявила Вера, принялась за офисную работу, я й Сергей вернулись к баннеру. Смонтировал электроцепь, я подключил ее к сети, но фонари не загорелись – я где-то что-то напутал. Тут подкатил отец на «газели».

- Завтра доделаю, - сказал я, и мы оба сели к отцу в «газель» и поехали на склад.

Я не сделал освещение ни завтра, ни послезавтра – никогда. Я знал, что отлыниваю от своего обещания, но делать освещение не хотелось. Покопавшись в себе, я вдруг сделал неприятное открытие – я становился похожим на Сергея и перенимал его образ поведения. Мы все вбираем в себя качества окружающих нас людей. Необязательность, проникшая в меня от Сергея, подточила чрезмерную обязательность, доставшуюся мне от отца. Позже, месяца через два я даже пошутил по этому поводу над отцом.

- Ты прям как тот мальчик из рассказа Гайдара «Честное слово». – глянул я на отца и снова уставился вперед сквозь лобовое стекло «газели» в февральскую метель, хмыкнул. – Там его пацаны поставили часовым – они играли в войну – и взяли с него честное слово, что тот не уйдет с поста, пока не дождется смены. А потом наигрались, забыли про него и ушли по домам. А мальчик так и остался стоять до глубокой ночи, пока рядом не оказался взрослый и, сообразив, что про того забыли, сказал, что он сменяет мальчика и тот может идти домой...

- Да, я такой! – с жаром тогда парировал отец, вытаращив на меня округлившиеся глаза. – Я такой! Я буду стоять на посту, раз дал слово!

- Па, ну это уже чрезмерно, - ухмыльнулся я. – Я не к тому, что быть обязательным – плохо! Это хорошее качество! Но надо все же гибче быть в жизни, понимать, что другие уже давно разошлись по домам и забыли о тебе вообще...

- Ну я вот такой! – выдал эмоционально отец, разозлившись, стукнул себя кулаком по колену. – И что теперь поделать!? Я так устроен!

- Да ничего, па... – примирительно покачал головой я, любуясь снежными вихрями, игриво лизавшими лобовое стекло. – Продолжай стоять на посту, пока не окочуришься...

- И буду стоять! – отрезал отец, и я понял, что случившийся разговор бесполезен. В тот момент я впервые понял, сколь негибок отец к жизни, которая текла сквозь нас словно река. Он же, будто бетонный блок, однажды отлитый и принявший окончательную форму, был брошен смолоду в эту реку и так и стоял в ней, принимая весь ее напор на свои углы и грани. И не было никакой возможности одержать победу в борьбе с рекой. С ней вообще не надо бороться, не надо противостоять жизни. Надо уметь так адаптироваться к потоку, чтобы он оказывал минимум давления, ощущать его мощь, энергию, но никак не тратить силы на противостояние. При этом надо оставаться собой, отстаивать свое место в этом потоке, иметь стержень, воткнутый, словно флаг в место, обозначающее свои жизненные

идеалы и принципы. Прочие же и вовсе болтаются в потоке жизни безвольными тряпками, путая гибкость с бесхребетностью. Но о таких людях мои мысли в тот момент не шли. Я думал об отце и о том, сколь трудно быть необоснованно упертым в чем-либо. Я знал, что такая черта характера вредила и отцу, и всем окружающим, но он уже не мог измениться. Время его перемен ушло. Или отец от них отказался сам. Осознав это, я ощутил легкость. Чрезмерная обязательность меня тяготила, делала заложником. Жизнь словно доработала меня, стесав ненужную доставшуюся в наследство грань. С тех пор я стал обязательным к людям избирательно, настолько, насколько те таковыми являлись по отношению ко мне.